

М-р Джексон для нас непривычно пунктуален: ровно без четверти три он закончил свой кофе и был готов ответить на вопросы. По его слержанно доброжелательному лицу нельзя было угадать, доволен ли он прошедшей репе-

тицией, посетило ли его вдохновение, озадачили ли трудности. Все это осталось за дверью репетиционного зала. Тридцать минут было отведено на интервью, и то, что пятнадцать из них мы искали достаточно светлого для фотографа при-

бежища в лабиринтах холлов Большого драматического театра, где работает над постановкой «Стеклянного зверинца» Теннесси Уильямса м-р Джексон, ни в коей мере не увеличило срока, назначенного для встречи.

Он мне напоминает Париж, в особенности ночью. Сразу скажу, что я, к стыду своему, не знаю русского, и поэтому ваши газеты, радио, телевидение для меня закрыты, я не могу следить за общественной жизнью, которая сейчас

интересный момент, которого я очень жду — когда мы сможем понимать друг друга без слов. А что касается самой работы над ролями, то я не ощущаю заметной разницы, так же я работаю с актерами в своем театре. Мне кажется, во всем мире актеры и режиссеры работают похоже. Что касается моего метода, то я предпочитаю давать актерам свободу, а потом выбирать то, что мне кажется нужным по замыслу. Меня немножко удивляет, что пьеса Теннесси Уильямса воспринимается в России как история каких-то патологических отношений. Это как раз вполне простая и, я бы сказал, даже полная юмора пьеса. Трудно говорить сейчас о результате. Но мне бы хотелось достичь того взаимопонимания с залом, какого добился у нас Георгий Товстоногов.

На мой взгляд, «Дядя Ваня» в Мак-Картер театре очень серьезная, замечательная работа. Надо заметить, что наш зритель, правда, не привык к таким длинным спектаклям. Но зал принимал прекрасно. Слышно было, как у вас говорят, как муха пролетает. И, конеч-

но, что-то в Чехове мы открыли для себя безусловно новое. Хотя Чехов — наиболее популярный в Америке русский драматург. Я сам ставил «Три сестры», «Вишневый сад», «Дядю Ваню». Часто ставится в Америке и «Ревизор» Гоголя. А вот Островский и Горький почему-то не проходят.

Теперь, когда я имею возможность близко познакомиться с психологией, культурой, душой русского человека, боюсь, что мне будет еще труднее работать над русскими пьесами. Потому что знаю, как это должно быть на самом деле. У меня так получилось с французским театром. Очень его люблю, но редко ставлю, потому что в исполнении американских актеров теряется тот «воздух», который составляет существо характера, дух. Когда это почувствуешь, определишь для себя, ощутишь реально, конкретно — потом мучаешься и не находишь у актеров.

По возвращении все же рискну поставить ваш «Саркофаг». У меня уже есть опыт обращения к советской пьесе — я ставил «А зори здесь тихие» Васильева. Кстати, ху-

дожником на «Саркофаг» я беру вашего замечательного Эдуарда Кочергина. Он работал с Товстоноговым в Принстоне, мы делаем вместе «Стеклянный зверинец». Так что, пока так и не зная родного языка друг друга, мы нашли общий язык, творческий. И это — самое главное. Мне кажется вообще, что подобные культурные обмены между странами способствуют взаимопониманию гораздо даже больше, чем разные конференции за «круглыми столами».

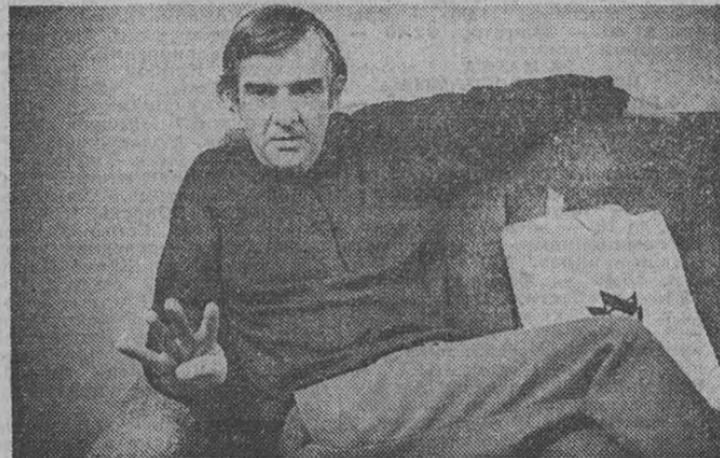
Когда я вернусь, то скажу американцам то, что говорю и вам. Мне повезло, что я побывал именно в Ленинграде. А потом я скажу им, что побывал в стране, где есть время и возможность думать. Это полезно любой страны. И для Америки тоже — у нас много нерешенных проблем. И еще — главное — я скажу, что недопустимо считать нас врагами. У меня много друзей в России, и мне кажется абсурдной сама мысль, что мы когда-нибудь можем воевать.

А. АЛИНА

Фото А. Николаева

ОБЩИЙ ЯЗЫК — ТВОРЧЕСТВО

Что за погода
стоит в эти
мартовские дни
в Принстоне штата
Нью-Джерси,
откуда недавно
прибыл в наш город
художественный
директор
Мак-Картер
театра, режиссер
НЕЙГЛ ДЖЕКСОН,
ленинградцам
трудно
предположить.
Наверное, тоже
весна.

— В Ленинграде я оказался довольно неожиданно для себя. У меня не было такой цели — ставить спектакль именно в Ленинграде, в Большом драматическом театре. Но в Мак-Картер театре в прошлом году ставил «Дядю Ваню» Чехова Георгий Товстоногов. Это все и решило. Кстати, я не единственный американец-режиссер в России. В Москве три моих коллеги тоже ставят спектакли. В Театре Пушкина, например, Марк Лаймос работает над пьесой Юджина О'Нила «Любовь под вязами». Но теперь я понимаю, как мне повезло, что я оказался именно в Ленинграде. Это удивитель-

настолько интересна. Впрочем, здесь я даже не в курсе того, что происходит в моей Америке. Наверное, впервые ощущаю себя «свободным художником» — как художник наблюдаю людей, город... Впервые есть время обратиться «очами внутрь души»... В моем театре меня буквально съедают административные проблемы. Здесь я весь отдаюсь работе.

В театре Товстоногова — исключительно профессиональная, сильная труппа. Надо заметить, что актеры очень терпеливы со мной — ведь мы общаемся через переводчика. Уже начинает приближаться самый ин-